

Ф. Ф. Зелинский

Из жизни идей

В 2-х томах.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф. Ф. Зелинский**
Из жизни идей: В 2-х томах. / Ф. Ф. Зелинский – М.: Книга по Требованию,
2013. – 876 с.

ISBN 978-5-4241-5954-1

Издание 2-е, исправленное и дополненное. I том, издание 1908 года. II том,
издание 1911 года.

ISBN 978-5-4241-5954-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

XIII. Происхождение комедии — „Научное Обозрѣніе“ 1903
январь — февраль.

XIV. Гейдельбергъ — „Сѣв. Курьеръ“ 13 вѣн 1900.

XV. Золотой вѣкъ — „Вѣстникъ Самообразованія“ 1903
№ 2.

Θ. Эминскій.

С-Петербургъ.
Октябрь 1904 г.

Предисловіе ко второму изданію.

Измѣненія, внесенныя въ это изданіе, вызваны отчасти сдѣланными за послѣднее время находками. Такъ статья о Геродѣ подверглась довольно крупной переработкѣ въ зависимости отъ увеличившагося числа отрывковъ, вслѣдствіе чего двѣ новыя сценки предстали передъ нами въ неожиданнымъ, хотя пока еще нѣсколько туманномъ свѣтѣ. По той же причинѣ пришлось совсѣмъ выкинуть статью о Менандрѣ: нельзя было ее перепечатать, въ то время какъ ученый міръ зналъ, что уже не сценки, а цѣлыя акты изъ четырехъ комедій великаго поэта найдены въ Египтѣ и не сегодня-завтра должны появиться. Я получилъ ихъ уже послѣ того, какъ большая часть книги была напечатана.

Взамѣнъ пропущенной статьи въ настоящее изданіе включены три новыя, а именно:

- 1) Античная Ленора (№ VII; впервые въ „Вѣстникѣ Европы“ 1906, мартъ).
- 2) Еврипидъ въ переводѣ И. Θ. Анненскаго (№ XIII; впервые въ „Перевалѣ“ 1907, октябрь, ноябрь).
- 3) Мотивъ разлуки (№ XVI; впервые въ „Вѣстникѣ Европы“ 1903, октябрь).

Θ. Эльминскій.

С.-Петербургъ.
Январь 1908 г.

ИДЕЯ ПРАВСТВЕННОГО ОПРАВДАНИЯ,

ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.

(1899).

Великія нравственныя идеи въ своемъ распространеніи среди людей раздѣляютъ участь великихъ научныхъ истинъ: переходя изъ рукъ гениа, впервые сдѣлавшаго ихъ доступными, въ руки посредственностей, онѣ на видъ остаются тѣмъ же, чѣмъ были въ началѣ, но теряютъ то, что въ нихъ было самымъ дорогимъ для насъ—ту незримую магнетическую силу, которая притягивала къ нимъ сердца. Въ настоящее время—не безъ гордости замѣчаютъ друзья прогресса—любой школьникъ знаетъ то, что нѣкогда стоило Копернику тридцатитрехлѣтнихъ трудовъ; это вѣрно, и эта гордость справедлива. Все же астрономъ-мыслитель предпочтетъ книгу *de revolutionibus orbium coelestium* великаго гуманиста самому изящному изъ новѣйшихъ изложеній коперниковской системы. Правда, осилить ее будетъ стоять немалого труда; правда и то, что ея читатель не обезпеченъ отъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя еще раздѣлялъ Коперникъ и которыя исправила позднѣйшая наука. Но эти неудобства искупаются однимъ громаднымъ, незамѣнимымъ преимуществомъ: читая ее, мы дѣлаемся свидѣтелями гигантскихъ усилій человѣческаго духа, отъ которыхъ не сохранилось болѣе слѣда въ ходячихъ изложеніяхъ того, что было ихъ результатомъ; мы видимъ въ полной дѣятельности вулканъ, по давно потухшей лавѣ котораго теперь безопасно гуляютъ прохожіе.

То же относится и къ нравственнымъ идеямъ. разница лишь въ томъ, что, будучи именно только идеями, а не истинамъ, научно доказанными и неопровержимыми, онѣ гораздо болѣе страдаютъ отъ того, что аромать оригинальности въ нихъ выдохся, и его смѣнилъ тотъ не всѣмъ приятный запахъ жилого помѣщенія, которымъ посредственность неизбежно заражаетъ все то, чего она касается. Пускай геліоцентрическая система составляетъ достояніе всякаго школьника, пускай она развивается въ скучныхъ произведеніяхъ убогихъ компиляторовъ — никто вслѣдствіе этого отъ нея не отвернется, не назоветъ ее «избитой», «заѣзженной», «пошлой», не обратится отъ нея къ другой, болѣе новой и интересной системѣ. Здѣсь не то. Эпитетъ пошлости, безвредный для научной истины, убійственъ для нравственной идеи; — и вотъ начинается скитаніе мыслей и чувствъ. Жажда новизны, желаніе во что бы то ни стало избѣгнуть пошлости — заставляетъ людей отъ здороваго обращаться къ болѣзненному и вымученному, отъ простаго къ замысловатому, отъ яснаго къ туманному; все хорошо, лишь бы оно было новымъ или, по крайней мѣрѣ, казалось таковымъ. Придетъ время — и это новое станетъ старымъ, избитымъ, пошлымъ и подвергнется двойному осужденію, и за болѣзненность, и за пошлость; и то забытое старое воскреснетъ и найдетъ себѣ восторженныхъ поклонниковъ. Такъ было, такъ будетъ всегда.

И дурного тутъ нѣтъ ничего: всякая эпоха живетъ своей жизнью, и всякая жизнь интересна. Все же обреченному жить въ эпоху скитанія мыслей и чувствъ приятно и отрадно обращаться къ тому времени, когда здоровое не было еще пошлымъ, а интересное — болѣзненнымъ, когда идеи, ставшія позднѣе ходячею монетою, еще только вырабатывались и, появляясь на свѣтъ, были насыщены той магнетической силой, которую создаетъ соединеніе двухъ элементовъ: здоровья и новизны. Въ этомъ именно и заключается прелесть античности для тѣхъ, кто умѣетъ ее понимать. Конечно, и античность не была той сплошной и однородной массой, какою ее себѣ представляютъ многіе у насъ; и она жила и развивалась, и въ ея предѣлахъ здоровое могло состариться и вызвать жажду новаго, хотя бы и болѣзненнаго. Все же въ

своей совокупности она была сводомъ здоровыхъ темъ, повторившихся съ тѣхъ поръ въ неисчислимыя варіаціяхъ до нашихъ временъ и имѣющихъ повторяться, пока живъ будетъ міръ.

Съ одной изъ этихъ темъ я намѣренъ познакомить читателя въ нижеслѣдующихъ главахъ.

I.

Когда у насъ ставили «Орестею» Танѣева, либретто которой цѣликомъ заимствовано изъ трилогіи того же имени Эсхила, наша публика отнеслась довольно-таки холодно къ творенію великаго греческаго трагика; нашлись даже наивные люди, порицавшіе родоначальника европейской драмы за «избитость» обработаннаго имъ сюжета. Невѣрная жена боится возвращенія съ похода своего царственнаго мужа; когда же онъ возвращается, она убиваетъ его съ помощью своего новаго друга. Сынъ убитаго мститъ за его гибель; но проклятія его матери, воплощенныя въ богиняхъ-мстительницахъ—Эриніяхъ, изгоняютъ его изъ родины, и онъ обрѣтаетъ покой лишь послѣ того, какъ его оправдываетъ учрежденный божествомъ строгій и правый судъ. Какъ это все просто, ясно, здорово, т.-е., выражаясь на современномъ языкѣ, какъ шаблонно, избито, неинтересно!.. Конечно, отъ либреттиста нельзя было и требовать, чтобы онъ въ своей скромной передѣлкѣ сохранилъ тѣ черты подлинника, которыми болѣе всего дорожить мыслящій читатель, чтобы онъ сохранилъ слѣды усилій гиганта-пахаря, впервые работающаго на дѣвственной нивѣ человѣческой мысли. Онъ сдѣлалъ, что могъ: оставилъ и въ общемъ, и въ частностяхъ развитіе эсхиловой фабулы, прибавилъ отъ себя нѣсколько сценъ и ради ясности и ради эффекта,—и вышло то, что могло и должно было выйти.

Наша точка зрѣнія однако другая. Намъ преданіе объ Орестѣ-матереубійцѣ интересуется не какъ преданіе и не какъ сюжетъ трагедіи или оперы, а исключительно какъ «носитель» *одной изъ важнѣйшихъ и величайшихъ нравственныхъ идей—идеи оправданія преступника.* Дѣйствительно, что такое нравственное оправданіе? Оправданіе, это—возстановленіе душевнаго

равновѣсія, утраченнаго при совершеніи грѣха или преступленія, это — выздоровленіе заболѣвшей души. Подобно идеѣ выздоровленія, и идея оправданія — идея вѣчная и не старѣющая; она такъ же дѣйствительна для насъ, какъ дѣйствительна небесная Лира, ласкающая насъ по ночамъ тѣмъ же тихимъ, таинственнымъ свѣтомъ, какимъ много вѣковъ назадъ она ласкала болѣе воспріимчивые глаза современниковъ Перикла. И если читатель при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ не почувствуетъ, что рѣчь идетъ о непосредственно близкихъ его сердцу интересахъ, что передъ нимъ раскрывается книга его собственной души, — то пусть онъ винить лишь неумѣлость толкователя, не справившагося со своею задачею, не смогнаго правильно передать то, что онъ правильно вычиталъ и уразумѣлъ.

Само собою разумѣется, что, говоря о происхожденіи и развитіи идеи оправданія, мы должны перенестись въ тѣ времена, когда вообще зародились и развивались нравственныя идеи, т.-е. въ античность; но, быть можетъ, покажется страннымъ, что авторъ, собираясь прослѣдить происхожденіе и развитіе нравственной идеи обращается не къ философамъ-моралистамъ, а къ міеологіи, что онъ беретъ ее не въ отвлеченномъ видѣ, а въ оболочкѣ ея міеа-носителя. Чтобы выяснитъ это, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое эта античная, т.-е. греческая міеологія, и какъ ее слѣдуетъ понимать.

Греческая «міеологія», какъ ее обыкновенно называютъ, т.-е. повѣствовательная часть греческой религіи, представляетъ удивительное, единственное въ своемъ родѣ явленіе; плохо о ней судятъ тѣ, которые видятъ въ ней нѣчто единое, установившееся, недвижимое; въ ней все живетъ, все движется, все растетъ, расцвѣтаетъ и вянетъ; отъ величавыхъ концепцій Эсхила до изящныхъ арабесокъ Овидія очень далеко, едва ли не дальше, чѣмъ отъ Овидія до опереточной міеологіи Оффенбаха. Былъ у древнихъ народовъ красивый обычай, перешедшій позднѣе и къ христіанскимъ, — посвящать трофеи своихъ побѣдъ надъ врагами въ храмъ своего роднаго божества, такъ что этотъ храмъ давалъ въ вещественныхъ свидѣтельствахъ внѣшнюю исторію своего народа. Но кромѣ этихъ каменныхъ

храмовъ, былъ у нихъ и храмъ незримый, нерукотворный, въ который они посвящали трофеи не вѣдшихъ, а внутреннихъ побѣдъ, живыя свидѣтельства своего нравственнаго и умственнаго прогресса; этимъ храмомъ была ихъ родная миѳологія. Миѳъ — естественная, необходимая форма, въ которую облакалась идея, не находившая еще для выраженія самой себя готоваго отвлеченнаго языка; всякое измѣненіе въ міросозерцаніи имѣло послѣдствіемъ органическое измѣненіе миѳовъ; тѣ съумѣлъ бы представить намъ греческую миѳологію въ ея историческомъ развитіи, тотъ далъ бы этимъ самымъ — въ иносказательной формѣ — исторію эволюціи греческой народной души. Въ нижеслѣдующемъ данъ опытъ такого развитія на миѳѣ объ Орестѣ-матереубійцѣ. Правда, работа, которую я имѣю въ виду, должна быть изслѣдованіемъ, изслѣдованіемъ филологическимъ; здѣсь же дано, для удобства читателей-нефилологовъ, не изслѣдованіе, а повѣствованіе. Изслѣдователь отъ извѣстнаго переходитъ къ менѣе извѣстному, руководясь въ нашей области данными этимологіи, исторіи литературы и культуры, сравнительной миѳологіи; повѣствователь переходитъ отъ болѣе ранняго къ болѣе позднему, пользуясь результатами трудовъ изслѣдователя. Въ данномъ же случаѣ именно болѣе позднее является болѣе извѣстнымъ и наоборотъ; нашъ путь, поэтому, прямо противоположенъ тому, котораго долженъ былъ бы держаться изслѣдователь. Прошу это помнить при чтеніи нижеслѣдующихъ страницъ.

II.

Первой идеей, представившейся младенческому уму чело-вѣка, когда для него, наконецъ, занялась заря сознательной жизни, была идея его зависимости отъ силъ природы; эти послѣднія, въ сумеркахъ зарождающагося сознанія, стояли передъ нимъ туманными великанами со сверхчеловѣческой мощью, но съ человѣческими страстями и стремленіями. Таковы были боги первобытнаго человѣчества. Ихъ могло быть много; но особенно близкими были ему тѣ, дѣйствія которыхъ, вслѣд-

ствіе своей повторяемости, болѣе всего вліяли на его жизнь, власть которыхъ онъ чувствовалъ надъ собою съ особенной силой. Ежедневно ночь убиваетъ день, ежегодно зима убиваетъ лѣто; ежедневно человѣкъ долженъ былъ искать убѣжища отъ страховъ ночи, ежегодно отъ страданій зимы; онъ дѣлалъ это съ твердой надеждой, что царство обоихъ этихъ жизневраждебныхъ началъ будетъ непродолжительно: придетъ Солнце-богатырь и сорветъ сверкающіе достѣхи побѣжденной ночи, придетъ Солнце-богатырь и разрушитъ туманную твердыню побѣжденной зимы. Таковы были главные мнѣя первобытнаго человѣчества; мы встрѣчаемъ ихъ на всемъ протяженіи земного шара.

Новая эра началась тогда, когда человѣчество, оставивъ колею чисто животной, физической эволюціи, вступило на путь сознательнаго умственнаго прогресса; началась только для тѣхъ народовъ, которымъ, по несповѣдимымъ законамъ природы, былъ назначенъ этотъ путь.

Соотвѣтствующая новой эрѣ новая идея была послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ двухъ старыхъ идей, перенесеніемъ ихъ въ болѣе высокую, умственную сферу; и здѣсь мы имѣемъ ту же борьбу житнетворнаго и жизневраждебнаго начала, дня и ночи, лѣта и зимы, только еще ступенью выше. Временной единицей новой идеи были уже не сутки и не годъ, а болѣе крупный періодъ, относящійся къ году приблизительно такъ же, какъ годъ относится къ суткамъ. *Все, что имѣло начало, будетъ имѣть и конецъ; но за концомъ будетъ новое начало;* эта великая идея, на которую навела человѣка гибель дня подъ натискомъ ночи и гибель лѣта подъ натискомъ зимы съ ожидаемымъ въ обоихъ случаяхъ торжествомъ Солнца-богатыря—эта идея была перенесена на великое лѣто жизни человѣчества. И оно имѣло свое начало: было время, когда и люди, подобно всѣмъ прочимъ животнымъ, жили по законамъ своей родительницы Земли; она ихъ одѣвала, она ихъ кормила, она ихъ надѣляла всѣмъ тѣмъ знаніемъ, въ которомъ они нуждались для того, чтобы, проживъ положенный имъ вѣкъ, передать «свѣточъ жизни» другому поколѣнію,—тѣмъ загадочнымъ для біолога, чудеснымъ для простаго мыслящаго человѣка знаніемъ, которое мы называемъ инстинктомъ. Такъ было нѣкогда, но

уже давно, очень давно; то былъ «золотой вѣкъ», царство Земли и ея силъ. Теперь не то: остальные твари живутъ еще по законамъ Земли, за что и вкушаютъ ея дары и пользуются исходящимъ отъ нея знаніемъ, но человѣкъ ихъ нарушаетъ. Человѣкъ живетъ въ открытой враждѣ съ Землей: онъ остріемъ заступа и плуга разрываетъ широкую грудь Земли, заставляя ее производить посѣянные имъ плоды; онъ остріемъ сѣкиры разрушаетъ ея вѣковой зеленый плащъ; онъ остріемъ кирки пробиваетъ себѣ доступъ въ ея внутренности—in visceribus Terrae. Не Земля научила его такъ насиловать ее; это было дѣломъ мятежнаго духа, возставшаго противъ Земли и ея силъ. Побѣда Духа надъ Землей и ея силами положила начало человѣческой культурѣ; тогда разгнѣванная вѣщая Земля скрыла свое знаніе. Ощущью ищи вѣрнаго пути; страдай, чтобы твой мучительный опытъ пошелъ тебѣ впрокъ, погибай, чтобы твоя смерть послужила урокомъ другимъ; — таковъ былъ новый законъ Духа, за которымъ послѣдовалъ человѣкъ. Этого Духа древніе греки называли Зевсомъ или, вѣрнѣе, возвели въ роль этого Духа своего древнѣйшаго бога неба и дня, могучаго (выражаясь мифологически) супруга предвѣчной Земли. „Это ты, — говоритъ Эсхилъ въ своей глубокомысленной молитвѣ Зевсу, — повелъ человѣка по пути сознанія, ты повелѣлъ, чтобы слово: *страданіемъ учишь* стало закономъ“.

Итакъ, Зевсъ во главѣ своихъ силъ одержалъ побѣду надъ Землей и ея силами—Титанами; Земля смирилась, но не навсегда. Она знаетъ, что великое лѣто человѣческой культуры, имѣя начало, должно имѣть и конецъ; зная это, она „задумала славное дѣло“ предательства и убійства противъ своего побѣдоноснаго супруга. Онъ вѣдь не знаетъ, что онъ „обреченъ“; свое знаніе она оставила при себѣ; и вотъ она тайно лелѣетъ своего Змѣя—змѣй былъ у древнихъ символомъ гибельной силы Земли—или своихъ Змѣевъ (число безразлично), своихъ Гигантовъ. Придетъ время, и Зевсъ со своими силами падетъ подъ натискомъ Гигантовъ, наступитъ великая зима въ жизни человѣчества. Но и она не будетъ вѣчной; предсказывая неизбѣжную гибель человѣческой культуры, древняя мудрость и тутъ, какъ это было естественно, открывала ей надежду на возро-

ждение; придетъ Солнце-богатырь, придетъ сынъ того убитаго Духа; онъ отмститъ за отца, онъ поразитъ Землю и взлелѣяннаго ею Змѣя — и наступитъ новое свѣтлое царство духа, новое великое лѣто.

Такова общая мысль древнѣйшей германской и греческой мифологій; несмотря на открывавшуюся въ далекой перспективѣ надежду, ихъ характеръ былъ грустный, такъ какъ гибель представлялась болѣе близкой, чѣмъ возрожденіе, и эта гибель была неотвратима. Да, неотвратима; для выраженія этой неотвратимости былъ созданъ — тоже общій обьёмъ мифологіямъ — мифъ о Гераклѣ-Сигурдѣ, намѣченномъ рокомъ спасительъ боговъ, который гибнетъ, не успѣвъ совершить своего подвига, гибнетъ не отъ руки враговъ, а отъ руки той Дѣвы, для которой онъ дороже всего на свѣтѣ. Германцы поворились неотвратимости своихъ „сумерекъ боговъ“, своей *Götterdämmerung*, но греки преодолѣли ее путемъ новаго прогресса. наступившаго много времени послѣ ихъ отдѣленія отъ остальныхъ вѣтвей арійскаго племени и принадлежащаго поэтому имъ однимъ. Объ этомъ будето рѣчь тотчасъ; теперь же окинемъ еще разъ взоромъ только-что развитый нами главный мифъ религіи Зевса, общій германскому и греческому племени.

Земля, „задумавшая славное дѣло“ (по-гречески: Клитемнестра), живетъ усмиреной, но въ душѣ мятежной супругой Зевса, „обреченнаго“ (по-гречески Агамемнона). Задумала она свое дѣло при помощи Змѣя-Эгисѳа; придетъ время, когда Агамемновъ подъ ихъ ударами погибнетъ, и Клитемнестра съ Эгисѳомъ будутъ царствовать надъ людьми. Но и этому царству наступитъ конецъ; придетъ сынъ Агамемнона, Солнце-богатырь, мститель за убитаго; отъ его руки падутъ и Эгисѳъ и Клитемнестра, и онъ унаслѣдуетъ царство своего отца. — Уже въ этой формѣ мифа мы имѣемъ и мужеубійство, и матереубійство; но оба они еще не ощущаются, какъ нарушенія нравственнаго закона. Пока названныя лица, хотя смутно, сознавались какъ олицетворенія физическихъ началъ, нравственная сторона дѣла оставалась надъ порогомъ сознанія. Нуженъ былъ великій религіозный переворотъ въ жизни греческаго народа для того, чтобы физическая сторона была предана забвенію, и нравственная, въ силу которой нашъ мифъ сдѣлался носителемъ